

ПУБЛИЦИСТИКА П. Л. ЛАВРОВА О КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЕ И ЕЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ

А. В. Забровский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 ноября 2012 г.

Аннотация: *исследуются представления П. Л. Лаврова о сущности, деятельности и роли общины в пореформенной России. По оценке народнической публицистики, либералы видели в учреждениях сельского самоуправления препятствие экономическому развитию страны. Власть же считала общину одним из инструментов фискальной политики и оплотом монархии. Лавров рассмотрел в органах крестьянского самоуправления социальный, политический и экономический прообраз будущей России.*

Ключевые слова: *Лавров П. Л., народники, самобытность, община, крестьянское самоуправление, социальная революция.*

Abstract: *the article is devoted to the views of P. L. Lavrov on Russian rural community and its political and social role. While liberals considered a peasant commune as an obstacle for economic development of the country, Lavrov looked at the Russian rural traditions of self-management as a social, political and economic pattern for the Russian future.*

Key words: *Lavrov P. L., populists, peasantry, rural commune, country self-management, social revolution.*

В историографии вопрос понимания Лавровым роли и места русской крестьянской общины недостаточно разработан и освещен. Исследователи изучали его социально-экономические, философские, экономические и педагогические воззрения, обращали внимание на его отношение к пореформенному развитию России, капитализму, пролетариату, положению народа, марксизму, европейскому социалистическому движению [1].

Историография неоднозначно рассматривает происхождение и назначение общины [2, с. 59]. Для одних ученых конца XIX в. (И. Д. Беляев (1810–1873), А. С. Лаппо-Данилевский (1863–1919), В. И. Сельский (1837–1892) и др.) община – древнее исконное образование, а другие (Б. Н. Чичерин (1828–1904), П. Н. Милюков (1859–1943) и др.) объясняли ее появление фискальными потребностями государства. В советской историографии, на взгляд Л. В. Даниловой, свойственная общине круговая порука, рассматривалась «обычно лишь в качестве финансово-полицейской меры» [3, с. 21]. Народнические идеологи в работах по историко-экономическим проблемам из-за ложных теоретических установок не могли осуществить научный анализ современной им действительности и верно определить перспективы исторического развития России. В. Н. Гинев пишет: «В крестьянской общине они старались найти объективные основания русского крестьянского социализма; без участия крестьянских масс не мыслили революции, но в то же

время главным двигателем истории оказывался усвоивший социализм своей критической мыслью интеллигент, будто бы могущий свернуть развитие страны с неверного, буржуазного пути» [4, с. 37]. С позиции Ю. В. Лебедева, «именно в 70-е годы вопрос о том, быть или не быть общине, встал с небывалой дотоле остротой... И в этой схватке... народники не были равнодушными зрителями... Разумеется, в пылу полемики они многое в общинной жизни идеализировали, переоценивая творческий, созидательный революционный элементы в психологии и мировоззрении русского мужика. Им казалось, что крестьянская революция сама по себе может привести Россию к социализму» [5, с. 21]. Да и сами народники не были едины в оценке общины. С. М. Кравчинский, по мнению В. Ф. Захариной, «идеализирует» сельский мир и «само общинное крестьянство» [6, с. 382], а по оценке В. А. Твардовской, Н. А. Морозов «приверженцем общины... никогда не был», так как крестьянская община, писала она, не отвечала либеральным ценностям, звала назад к дореформенным порядкам, а ее уклад препятствовал всестороннему развитию личности [7, с. 64]. Отражая позицию народников, журнал «Вперед!» переоценивал прочность общинных отношений в прошлом, настоящем и будущем России. Тем не менее сведения и выводы органа об устройстве и деятельности общины позволяют уточнить взгляды Лаврова и его единомышленников на роль и место общины в пореформенной и будущей России.

Можно предположить, что первоначальные представления о русской поземельной общине у Лаврова

носили бытового характер. В последующем он основательно изучил взгляды своих предшественников и историков на общину и вынес твердое убеждение, что история Русского государства тесно связана с этим крестьянским институтом. Впервые Лавров заявил о назначении общины в трех вариантах программы «Вперед!», относящихся к концу 1872 – началу 1873 г. В последующем, в связи с массовым хождением в народ, он углубил свои представления об общине. Опираясь на серьезные труды в этой области, а также на суждения А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, славянофилов И. А. Кошелева, В. Ф. Постникова и других, он представил свое видение сущности, роли и места русской общины в истории страны.

В программе «Вперед!» община характеризуется общей поземельной собственностью, справедливым принципом распределения, единством, солидарностью и другими качествами. Она должна стать основой экономической и политической системы русского народа: «Для русского, – писал он, – специальная почва, на которой может развиваться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением. Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политической элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет пользоваться своими легальными правами и никак не выйдет из-под эксплуатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота – вот специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству» [8, с. 21].

Крестьянство и общину Лавров поставил в центр намечаемых народниками преобразований. Он считал, что силами крестьянства произойдет в России социальная революция, в ходе которой община составит основу будущего экономического строя. Лавров предложил соответствующую программу действий: «... подчинение интересам крестьянства интересов всех прочих сословий, автономная светская община как основной элемент русского государственного общественного строя. Мы ожидаем, чтобы русские конституционалисты поставили эту задачу во главе своей политической программы» [там же].

Лавров не исключал мирного социального переворота путем легальных действий ожидаемого «Земского собора». Но при этом он писал: «Мы лишь тогда признали бы Земский собор правомочным органом и деятелем русского общественного переворота, когда он состоял бы в большинстве из представителей крестьянства... выбранных этим крестьянством

с целью произвести общественное преобразование... одновременно экономическое и политическое, и в котором экономические задачи обуславливали бы политические формы» [8, с. 20].

Заявления Лаврова о самобытности России и об определяющей роли русской общины в социалистическом обустройстве страны перекликаются со взглядами А. И. Герцена и славянофилов. В неоконченном цикле статей «Александр Иванович Герцен» редактор журнала «Вперед» писал: «... он (Герцен. – А. З.) не решился идти довольно далеко по пути, им самим указанному; ... он увлекался иногда тем самым, что вчера еще так решительно уничтожал своим беспощадным анализом; ... он душою болел о том мире, которому сам подписывал смертный приговор; ... он не всегда умел различать истинных союзников своего дела и истинных борцов за будущее под формами для него не симпатичными...» [9, с. 606–607]. Тем не менее Лавров признал «непрерывную и логическую традицию русской мысли», когда писал, что «влиятельнейшие славянофилы, как Хомяков, или крайний западник, как Чаадаев... связывали эпоху Пушкина и декабристов с эпохой Белинского и Герцена, как люди 50-х годов связывали последних с современным движением» [10, с. 698–699]. Программное заявление Лаврова о социально-экономическом и политическом предназначении общины было обращено к интеллигенции, ко всему обществу.

В статье «Счеты русского народа» Лавров обратил внимание на общинное единение крестьянства. Община являлась необходимой и важнейшей частью духовного единства русского народа. В ней крестьянин ощущал себя свободным, самостоятельным, независимым, солидарным, единым народом в своей жизни и в труде. Община ощущала себя сильной и независимой, а крестьянство как сословие наделяло независимостью и самостоятельностью. Будущее русского народа Лавров связывал с общиной: «... Лишь сливаясь с единым русским народом, с народом автономных общин и свободных союзов может нравственно существовать русский цивилизованный человек будущего» [11, с. 59].

В газете «Вперед!» (1875–1876 гг.) Лавров придал своим рассуждениям об общине более широкий и более злободневный характер: продолжалось «хождение в народ», готовился переход к оседлой пропаганде, пропагандисты нуждались в теоретических воззрениях на мир и в практических советах о том, как действовать в народе. Жизненную силу народа Лавров видел в общине и в рабочей артели, сохранивших такие качества, как солидарность, крепость, единство и самоуправление. Община и артель, писал он в статье «Почва для социальной революции», включают экономические и политические силы и начало народа. Основу общины он видел в крестьянстве,

сохранившем «солидарность и самоуправление мира, живую общественную единицу мелкой поземельной общины, живую общественную единицу подвижной рабочей артели» [12, с. 69]. В терминологическом плане и понятийном определении Лавров уравнивает общину и рабочую артель, обладающих одними и теми же признаками.

Лавров отметил экономические, социальные, политические и духовные функции общины: «Крестьянская община сохранила экономическое самоуправление своими силами, производила передел земли, большую часть выбирала своих чиновников, вырабатала свое обычное право, и в постоянной жизненности мирского схода укрепила в русском крестьянине аксиому народной солидарности: «мы от мира не отметчики» [там же]. Именно в таком круге интересов общины и артели, – писал редактор, – ... заключается вся сила народной солидарности» [13, с. 107].

Община по своей природе, утверждал Лавров, имеет право на самостоятельное и независимое от центральной власти существование. Государство признало общину в своих законах. В условиях самостоятельности и независимости основная функция общины состояла в хозяйственной, производственной деятельности: она организовывала, контролировала и отстаивала кооперативный труд, осваивала новые земли, защищала интересы крестьян от властей, помещиков и иных «эксплуататоров». Лавров выделил и основной принцип общины – общественное ведение хозяйства и уравнительное распределение производственных ресурсов. Очевидно, что жизнеспособность общины в системе государственных и общественных органов не вызвала у Лаврова никакого сомнения. Община в истории государства и его институтов оказалась крепче элементов «действительной или фиктивной политической жизни» в лице «старых земских городских единиц с их пригородами, посадами, селами и поселками», всех боярских дум, правительствующих сенатов, государственных Советов, дворянских собраний, раздавленных «московским и петербургским деспотизмом» и потерявших «всякую возможность дать почву для политического возрождения общества» [12, с. 69].

Община, считал Лавров, была не только воплощением коллективного разума, но и создавала условия для проявления индивидуальности. Находившаяся в постоянном поиске и развитии, община состояла из активных личностей и способствовала их воспитанию: «...рабочая артель с общинным хозяйством и разделением барыша создавала тип подвижного союза личностей, тип, который обуславливал и организацию повсеместного и разнообразного труда, и заселение далеких и неделенных земель, и образование шаек вольницы, протестовавшей против эксплуатации народа, ... и народную военную организацию

казацких кругов с их выборами; может быть, в известной степени, даже организацию раскольнических скитов» [там же].

Народники обратили внимание на активное обсуждение в России судьбы русской общины и приняли деятельное участие в дискуссии о будущих формах землевладения в стране. Лавров не раз встречал в русских и иностранных газетах указания на подготовку законодательных мер против общины. Так, майский номер 1874 г. «Московских ведомостей» сообщал, что «министерствами внутренних дел, госимуществ и финансов составляются соображения о мерах к облегчению способа выхода из крестьянских обществ отдельных их членов, а также о мерах к прекращению... частых переделов, находящихся в общинном пользовании угодий и к устранению существующих ныне в законодательстве затруднений при переходе целых крестьянских обществ от общинного владения к участковому, и об определении порядка перехода имущества при семейных разделах в крестьянском быту». В этих и подобных сообщениях Лавров видел, с одной стороны, незнание крестьянского вопроса прессой, а с другой – желание властей и либералов пересадить европейский опыт на русскую землю: «Правительство русское, конечно, пытаясь разрушить... общину законодательным путем, именно желает похвалы... прессы «цивилизованного мира», которая достаточно невежественна, чтобы не знать, что... экономисты даже в буржуазном мире теперь хлопчут о возвращении к общинному земельному владению, хотя бы в форме поземельных швейцарских альенд; что специалисты, подобные Лавлэ и Мэну, издали и готовят к изданию по этому поводу ученые сочинения» [12, с. 114–115].

Привлекая труды европейских исследователей, Лавров в статье «Фатальное бессилие русских либералов» указывал на различные подходы к сути и назначению пореформенной общины. Многие политические силы, писал Лавров, стремясь привлечь крестьянство на свою сторону, высказываются в поддержку общины и указывают «на важность общинного строя для блага народа». В этом ряду не только Чернышевский, которого «могут заподозрить в тенденциозности», но и А. И. Кошелев, владелец «значительных поместий», дворянин «древнего рода», заявивший: «Мы стоим за сохранение общинного землевладения по весьма многим причинам... в видах пользы для крестьянства, для страны вообще и для самого правительства». Лавров особо выделил мысли Кошелева о преимуществах мирского образа жизни. Отсутствие общинного землевладения, по мнению дворянского публициста, «погружает массы в нищету и бездомство... лишает государство устойчивости и спокойствия». Он считал, что лишь «общинное землевладение» осуществляет такую форму

землевладения, «в котором могло бы участвовать большее по возможности число людей, и которое доставляло бы им уют и кусок хлеба» и потому оно «необходимо»; что общинная жизнь препятствует крестьянской «одичалости». Отвечая критикам общины «во имя стеснения ее личности», Лавров предложил им ответить на «весьма меткий вопрос» Кошелева: «Нищета и зависимость от внешней обстановки не стесняют ли личности много более, чем самая бдительная и... строгая община?».

Лаврова страшила замена «общинного владения участковым»: «При таком новом порядке вещей многие крестьяне постепенно распродали бы свои участки, ...образовались бы крупные землевладельцы в крестьянских дачах, ...разрослась бы бобыльщина, и крестьянство лишилось бы всякого единства и всякой самостоятельности. Этого могут желать... враги России; но не могут этого желать ни большинство русских землевладельцев и крестьян, ни настоящие наши государственные люди» [14, с. 166].

Лавров полагал, что община уделяет много внимания аграрной культуре и сослался на Г. Постникова, утверждавшего, что без общинного хозяйства в России придется искусственно и насильно создавать то, что, естественно, и само собою даст община относительно осушения болот и других подобных работ. «Обратив земли общин в частную собственность ее наличных членов, положительно невозможно ожидать произведения всех подобных работ без законодательного принуждения. ...Благодаря форме общинного владения, производились и производятся в настоящее время такие улучшения, выполнение которых было бы едва ли возможно при обращении земель в частную собственность» [14, с. 167].

Отстаивая преимущества коллективного землепользования, Лавров привел мнение А. И. Васильчикова, который, говоря о переходе от общинного пользования к участковому, утверждал, что и на Западе возникли «о самой благодетельности его (этого перехода) очень серьезные сомнения, отразившиеся в новейшее время и в некоторых мероприятиях правительства». Лавров согласился с концовкой главы «Об устройстве крестьянского быта в разных государствах» в книге «О самоуправлении»: «Россия в этом великом деле не только не отстала от других народов, но в некоторых существенных отношениях их опередила... Уцелело вольное крестьянство со своим земским волостным управлением, ...уцелели предания крестьянского самоуправления» [14, с. 168].

Лавров подвергал критике взгляды либералов, консерваторов и правительства, видевших в общине и ее институтах оплот прошлого, виновника социальных бед и препятствие на пути экономического и политического прогресса страны. Так, издатели и сотрудники «Русского мира» считали общинное хо-

зяйство и землеустройство «источником зла», причиной «хронического голодания большей части России», фактором сдерживания производительных сил крестьян и в конечном итоге недопроизводства сельскохозяйственных продуктов. Голод, возражал Лавров, создан самодержавием и при чем тут община и артель крестьян? Малоземелье – вот основная причина голода 1873 г. А земли в России много, нужно ее только всю передать в общинное владение народа и на основе общинных принципов устроить всю общественную, хозяйственную и государственную жизнь страны [15, с. 42].

Лавров отметил сложность и противоречивость либеральной оценки общины [14, с. 172]. Помимо открытой критики общины в печати, вмешательства земств в ее деятельность на местах, либералы решили составить целое общество со «значительным капиталом» для скупки земли разоряющихся помещиков и перепродажи ее «на условиях самых легких и выгодных» «отдельным» крестьянам, кулакам или общинам, стремящихся «немедленно сделаться отдельными землевладельцами». Лавров был удивлен, что возглавил это общество кн. А. И. Васильчиков [14, с. 162]. Одна из газет подтвердила, что кн. А. И. Васильчиков «имеет надежду исходатайствовать кредит для пособия крестьянам скупить помещичьи земли для расширения своего дела» [14, с. 161].

Лавров же в условиях необузданной жажды наживы тех лет никогда не тешил себя иллюзиями относительно общественной или государственной помощи земельным общинам и потому считал проект либералов обреченным на неудачу [14, с. 168, 172–173].

Критическое отношение к общине и крестьянству, писал Лавров, отвечало программе либералов и их новым политическим задачам. Поддерживая экономический курс правительства на развитие капитализма, и имея «в виду борьбу с социально-революционной волною», они и обратились к кулаку, своему будущему политическому союзнику. К тому же им известно, что революционеры «очень рассчитывают именно на русскую общину, как на исходную точку своей деятельности, как на подготовку своего будущего общественного строя». Перед растущей опасностью социально-революционной пропаганды этот «палладиум русского сельского хозяйства» единственный терял в глазах либералов свою привлекательность. Признав, что сельские буржуа у нас слишком малочисленны, «русские либералы приходят к необходимости создать более многочисленный класс русских кулаков. И вот... вчерашние защитники русской общины становятся сегодня сознательными ее разрушителями; ...отдают этот самый народ на неизбежную жертву кулакам». Тем самым, полагал Лавров, русские либералы пореформенной эпохи

отстают «от лучших девизов старого либерального знамени» [14, с. 175–176].

Устройство, деятельность и роль общины в консолидации крестьян и ее место в социальном обустройстве России описали Г. А. Лопатин, В. Н. Черкезов, Л. С. Гинзбург, И. А. Гласко, А. И. Либерман и другие авторы журнала «Вперед!». Его мнение не было исключительным в общественном суждении о том, что община шла в ногу со временем.

Известные аграрники В. Г. Бажаев и Н. П. Огановский отмечали положительную роль общины в становлении крестьянского травосеяния [16, с. 216–217; 17]. Н. Ф. Даниельсон считал, что «русская община, как и всякая другая, возникла не под давлением экономических потребностей, а в силу необходимости обеспечить общие интересы своих членов» [18, с. 296].

Природу общины Лавров видел в коллективном труде по освоению общего земельного участка. Община была призвана обеспечить выживание в конкретных природно-климатических, социальных, государственных и иных условиях, осуществляя через созданные ею органы самоуправления многофункциональную деятельность: производственную, экологическую, социальную, демографическую, морально-нравственную, правовую и др. Как полагал Лавров, община, хотя и переживала трудности из-за недостаточного обеспечения земель, оказалась живым, развивающимся организмом, способным реагировать на вызовы времени.

Лавров поставил вопрос о единстве и сохранности общины, что отвечало, по его мнению, не только народническим, но и крестьянским интересам, для которых община ассоциировалась с образом жизни их и их предков, отвечало их представлениям о будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В. Ф. Философско-исторические взгляды П. Л. Лаврова / В. Ф. Антонов // Ученые записки МОПИ. 1968. – Т. 221 : Философия. – Вып. 12.

Воронежский государственный университет

Забровский А. В., старший прокурор отдела по надзору за законностью проверок органов контроля Генеральной прокуратуры РФ, соискатель кафедры истории России

*E-mail: andrei-zabrovski@mail.ru
Тел.: 8-967-073-14-60*

2. Александров В. А. В. И. Ленин о сельской общине в крепостнической России / В. А. Александров // Советская этнография. – 1970.

3. Данилова Л. В. Современные концепции аграрного развития / Л. В. Данилова // Отечественная история. – 1992. – № 5.

4. Гинев В. Н. Блестящая плеяда / В. Н. Гинев // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. – Л., 1986.

5. Лебедев Ю. В. Исторические судьбы крестьянской общины в русской жизни и литературе. Письма из деревни : очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века / Ю. В. Лебедев ; сост., автор вступ. ст. и коммент. Ю. В. Лебедев. – М., 1987.

6. Захарина В. Ф. С. М. Степняк-Кравчинский в лондонской эмиграции / В. Ф. Захарина. – М., 1968.

7. Твардовская В. А. Николай Морозов : от революционера-террориста к ученому-эволюционеру / В. А. Твардовская // Отечественная история. – 2003. – № 3.

8. Лавров П. Л. Вперед! Наша программа / П. Л. Лавров // Вперед! – 1873. – Т. 1, отд. 1.

9. Лавров П. Л. Александр Иванович Герцен. II / П. Л. Лавров // Вперед! – 1875. – № 19.

10. Лавров П. Л. Александр Иванович Герцен. III / П. Л. Лавров // Вперед! – 1875. – № 22.

11. Лавров П. Л. Счеты русского народа / П. Л. Лавров // Вперед! – 1873. – Т. 1, отд. 1.

12. Лавров П. Л. Почва для социальной революции в России / П. Л. Лавров // Вперед! – 1876. – № 27.

13. Лавров П. Л. Невозможные и возможные пути к социальной революции / П. Л. Лавров // Вперед! – 1876. – № 28.

14. Лавров П. Л. Фатальное бессилие русских либералов / П. Л. Лавров // Вперед! – 1876. – № 30.

15. Лавров П. Л. I. Голод! Голод! Голод! / П. Л. Лавров // Вперед! – 1874. – Т. 2, отд. 2.

16. Бажаев В. Г. Травопольное хозяйство в Нечерноземной полосе Европейской России. – М., 1900.

17. Огановский Н. П. Аграрная эволюция в России после 1905 г. / Н. П. Огановский. – М., 1918.

18. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия : сборник. – М. : Политиздат, 1967.

Voronezh State University

Zabrovsky A. V., Senior Attorney of the Division for Supervision over the Legality of Inspections by Control Bodies of RF General Prosecutor's Office, Post-graduate Student of the Russian History Department

*E-mail: andrei-zabrovski@mail.ru
Tel.: 8-967-073-14-60*